

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Марии Викторовны Куриленко «Проза Юрия Буйды: мифопоэтика, циклизация, мотивика» (Пермь, 2024), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Изучение современного литературного процесса формирует базу развития литературоведения как целой научной отрасли и создает будущую историю национальной литературы. В этом отношении диссертационное исследование М. В. Куриленко «Проза Юрия Буйды: мифопоэтика, циклизация, мотивика» представляется весьма актуальным, так как посвящено изучению творчества современного российского прозаика Юрия Буйды, который «занимает заметное место в литературном процессе последних тридцати лет» (М. В. Куриленко).

В работе сделана попытка не только определить идейно-художественные особенности прозы Ю. Буйды, но включить его творчество в актуальный литературно-художественный контекст. Это принципиально важно, поскольку позволяет установить, с одной стороны, топику, или общие места (в связи с традицией) современной словесности, а с другой стороны, выявить уникальность текущей художественной парадигмы и творчества конкретного автора. В М. В. Куриленко, во-первых, делает успешную попытку охарактеризовать творческий метод Ю. Буйды через соотнесение с самыми разными направлениями и течениями современной литературы (постмодернизм, трансметареализм, неомодернизм, небарокко и т. п.), через корреляцию с художественными практиками и эстетическими установками (демифологизация, квазиистория, историографическая метапроза и т. п.). Во-вторых, четко выстраивает систему научного описания прозы изучаемого художника слова. Здесь проявляется системность подхода диссертанта: индивидуальная поэтика в системе современного литературного процесса. Особенно хотелось бы отметить скрупулезную работу с понятием «авторский миф» как центральной категорией поэтики и эстетики прозы Ю. Буйды. М. В. Куриленко установила логику работы мифологического сознания и его средств выражения в рамках индивидуальной художественной модальности.

Обоснованность научных положений подтверждается самой структурой работы. В качестве центральных категорий рассматриваются понятия «миф», «цикл» и «мотив». Автор диссертации релевантно научным требованиям использует указанные центральные категории, чтобы раскрыть особенности организации прозы Ю. Буйды, обрабатывает эмпирический материал на основе избранного теоретико-методологического подхода, что и обеспечивает высокую степень обоснованности и достоверности научных положений работы, сделанных выводов.

Во Введении представлены все основные компоненты структуры, определены рабочие термины и методологическая база, эмпирический материал.

В первой главе М. В. Куриленко как раз и задает теоретико-методологические рамки своего исследования. Сделан краткий обзор подходов к теории мифа и мифопоэтике, что позволило сконцентрировать внимание на понятии «авторский миф» и его основополагающем статусе для прозы Ю. Буйды. Описаны мифологический хронотоп и поэтика (мифологическая) персонажей применительно к художественной системе автора. Затем, соблюдая заданную логику, диссертант говорит о жанровой специфике произведений современного писателя. Здесь сделан акцент на новизне в изучении творчества Ю. Буйды – описание циклизации произведений разной жанровой природы, приводящей к формированию семантических комплексов («мегациклы»). М. В. Куриленко вводит термин «кластер» («текстовый кластер») для объяснения своей концепции кросс-жанровости прозы Ю. Буйды («авторский гипертекст»). Для четкой дефиниции нового термина-понятия исследователь сначала рассматривает феномен циклизации и сам цикл, особенности сборника как целого, то есть промежуточные формы на шкале от рассказа к роману: «Опыт прозы Буйды позволяет говорить о рождении новых повествовательных форм, которые складываются путем развития процесса циклизации. У Буйды объединяются в мегацикл сборники рассказов, повести, романы» (с. 56) и далее «...мы полагаем, что творчество Буйды являет собой гипертекст, который содержит тематически и текстуально организованные кластеры» (с. 59), которые преодолевают границы отдельного произведения и не ограничиваются одним текстом. Возможно, автор хотел показать, что текстовый кластер функционирует не по законам традиционного цикла, но связан с незаконченностью, незавершенностью произведения как категориями постмодернистской литературы. М. В. Куриленко привела пример текстологического анализа нескольких произведений Ю. Буйды, который показал, что автор меняет «границы» текста, состав циклов и сборников, дописывает и переписывает отдельные рассказы, интегрирует тексты. В этой концепции можно было бы использовать термины «метатекст» или «сверхтекст», которые подчеркивают связь между текстами разных произведений одного автора (по предметно-тематическому, формальному и т. п. принципам), но, видимо, важным отличием для исследователя стал феномен постмодернистского «переписывания», нестабильности текста как целого. Конституирующим признаком кластера становится локус – пространство, вокруг которого организуются идейно-содержательные компоненты (метаисторизм, историософские авторские концепции) и элементы поэтики (миф, герои, мотивы).

Во второй главе М. В. Куриленко рассматривает Осорьинский кластер в прозе Юрия Буйды. Указывает произведения, составляющие данное целое, описывает его концептуальные и художественные особенности. Диссертант относит «Осорьинский кластер» к историографической метапрозе, в которой

автор «пере-писывает» историю России, определяя ее духовно-поведенческую модель: «борисоглебство» и «самозванство».

В третьей главе по той же схеме выявлен и описан Чудовский кластер в прозе Юрия Буйды, отличительными чертами которого являются осмысление истории России через миф перерождения, вырождения: «Пространство при его исторической конкретности содержит признаки мифологического: его строили мифологические первопредки (палачи), в нем живут потомки божественных предков (Бохов – Босхов), которые уже не боги, они обычные люди» (с. 119). Интересным в этом отношении становится использование концепции монструозности М. Липовецкого и А. Эткинда для интерпретации персонажей кластера, которые эксплицируют травму в постсоветской литературе (мотив греха как художественное воплощение разочарования в советской утопии).

В четвертой главе диссертант выявляет и описывает основные повествовательные и интертекстуальные мотивы, которые и объединяют разные произведения в текстовые кластеры, создают гипертекстуальность.

В Заключении представлены общие итоги работы и указаны перспективы исследования темы.

Для поддержания дискуссии и уточнения некоторых положений выскажем замечания и зададим вопросы:

1. Так, в заглавии работы указаны центральные категории: «миф», «цикл» и «мотив». Но в формулировке цели наблюдаем смысловое сужение: «Цель настоящей работы – исследование художественного мира Юрия Буйды через анализ мифопоэтики и циклообразующих механизмов его прозы (сквозных мотивов)». Мы видим, что последний компонент представлен в скобках, автор подчеркивает его вспомогательный характер. Таким образом, при сопоставлении темы и цели возникает вопрос о равноположности категорий: миф и циклизация – это способы, а мотивы – средства. Может быть, 4 глава должна была бы «раствориться» во 2 и 3 главах?

2. Не до конца понятно отношение Ю. Буйды к мифу: автор использует мифы для конструирования художественной реальности? Наоборот, деконструирует миф, а может быть, играет с осколками национальных мифов, обыгрывает их, чтобы показать диктат мифа над реальностью, утопии над действительностью?

3. В работе очень подробно описаны формальные компоненты авторского мифа, его поэтика, но кратко представлено символическое содержание мифологической модели (моделей?) Ю. Буйды. В чем идейно-концептуальная особенность авторских мифов Ю. Буйды, какие историософские идеи автор эксплицирует? Какую концепцию истории представляет?

4. М. В. Куриленко заявляет в качестве основы кластера пространство (мифологическое пространство), дает номинации текстовым кластерам («Осорьинский», «Чудовский»). Но, может быть, пространство – это объект мифологической рефлексии (Россия, история России)? Поэтому локусы и будут ротироваться в разных произведениях. А средством мифологической

рефлексии становятся мотивы, действия актантов, то есть повествовательные мотивы? Например, мотив «борисоглебства», «самозванства», «греха» («греховности»). Они и повторяются в разных текстах как экспликация историсофских концепций.

5. Не кажется ли автору, что мотив «греховности», универсальный для разных кластеров прозы Ю. Буйды, в Чудовском кластере заменяется «падением» (вырождением богов), переход к злу, как в известном библейском мотиве? Например, атавизм крыльев на лопатках героя.

Диссертация М. В. Куриленко представляет собой законченный научно-исследовательский труд, выполненный на высоком научном уровне. Полученные автором результаты достоверны, выводы и заключения обоснованы. Автореферат в полной мере отражает основное содержание диссертации.

Диссертационная работа Марии Викторовны Куриленко на тему «Проза Юрия Буйды: мифопоэтика, циклизация, мотивика» соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент –
Федоров Василий Викторович
кандидат филологических наук
по специальности 10.01.08. Теория литературы.
Текстология,
доцент кафедры теории медиа
факультета журналистики
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный
университет»

Сведения об организации:
454001, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д.129
Тел.: +7 (351) 799-71-01
E-mail: odou@csu.ru

«19» апреля 2024 г.

Я, Федоров Василий Викторович, даю согласие на включение моих персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшую обработку.

Подпись: *Федоров В.В.*
Подтверждаю: *Александр КЧ*
специалист по кадрам